

затем широким каменным строительством. О немецком влиянии говорит общераспространенная в Прибалтике запряжка лошадей в эти транспортные средства при помощи валька и постромок, а также встречаемые в западной Литве и Латвии их названия немецкого происхождения.

4. Для перевозки традиционных пахотных орудий в Прибалтике местами применялись разные виды коловой волокуши. В юго-восточной Эстонии соху возили на двух параллельно подложенных кольях — способ, который был широко известен в лесной полосе северной России, особенно у финно-угорских народов. На о. Сааремаа возили рало, а в восточной и центральной Литве соху на развилке из двух кольев, соединенных подвижно между собой (т.н. "ножничная волокуша"). Сааремааская ножничная волокуша явно связана со шведским влиянием, а литовская принадлежит к широкому вжнорусскому ареалу.

5. С развитием скотоводства появились различные простые способы носки и перевозки сена на естественных болотистых сенокосах. Широко известный в Европе способ носки сена вдвоем на носилках был в большей части Прибалтики вытеснен другими, более целесообразными способами и сохранился шире лишь при уборке яровых на поле. В северной Литве из носилок развилась ручная волокуша-оглобли для сена, которая имеет параллели в Скандинавии и Финляндии. В Эстонии и Латвии носилки нередко подкладывали под копну сена, при помощи веревки запрягали лошадь и отвозили копну на носилках к стогу. Но типичной для Эстонии и Латвии была вывозка копен на подложенных для этого 2-3 листовных ветвях. Такое употребление веточной волокуши для сена явно является совместной традицией южных прибалтийских финнов и латышей.

ЛИТВА МИНДОВГА

1. Основу литовской народности образовали племена аукштайтов-литовцев и жемайтов — этот факт не вызывает сомнений. Но конкретизировать и детализировать состав и развитие литовцев-аукштайтов не так просто. Не последняя роль в этой проблеме принадлежит так называемой Литве Миндовга, т.е. центру, вокруг которого были объединены указанные племена.

2. Утвердившаяся гипотеза Г.Ловмянского Литву Миндовга определяет на юге территории Литвы, а землю Нальши — на северо-востоке.

3. Главный аргумент локализации Нальши — грамота Суксе (1268 г.). Из нее делается вывод, что владения Суксе находились по-соседству с Лифляндией. Но Суксе выдал грамоту уже будучи перебежчиком. Таких грамот имеется целый ряд, но из этого нельзя делать вывода, что земли этих перебежчиков граничили с владениями Ордена. Поэтому вопрос локализации Нальши, а тем самым и Литвы Миндовга, остается открытым.

4. Упоминание Г.Вартберге о битве при ручейке Иммаре и походе меченосцев в землю Альсен, описанный в Лифляндской рифмованной хронике, — одно и то же событие. В Швенченском районе имеется ручей Мера, его приток без имени. Очень похоже, что это мог быть *Imegė* ("i" — по-литовски "v"), а "Alsen" — это описка вместо "Nalsen". Это только предположение, но оно говорит в пользу гипотезы Г.Ловмянского.

5. Булла папы Григория IX (1234 г.) оценивает территорию Аукштайтии к северу от Нерис как политический вакуум, тем самым

негласно указывая, что Литва к югу от Нерис — политическая сила.

6. Ипатьевская летопись, описывая войну 1253—1254 гг. между Галичем и Литвой, включает в театр военных действий "вотчину Миндовга". Из описания видно, что галицкие войска действовали короткими ударами, не отрываясь от тыловых баз. При таких обстоятельствах они не могли зайти глубоко в упорно обороняющуюся Литву. Т.е. "вотчина Миндовга" (или Литва Миндовга) тем самым определяется на юге Литвы.

7. "Parbusse de Nere" упоминаемый в жалованной грамоте Миндовга, предупреждает о возможности существования Нерисской земли.

8. Археологические и диалектологические данные позволяют выделить характерный ареал южной Литвы.

9. Все вышесказанное подтверждает правильность гипотезы Г. Ловмянского: Литва Миндовга находилась на юге.

10. Вопрос о Воруте остается открытым. При этом следует учесть разночтение Хлебниковского и Погодинского списков Ипатьевской версии "въ руота", позволяющее читать "въ роута".

Л.А.Думпе (Рига)

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ ЛАТЫШЕЙ И СОСЕДНИХ НАРОДОВ ПО ДАННЫМ МОЛОЧНОГО ЖИВОТНОВОДСТВА

При этнографическом изучении молочного животноводства Латвии были выявлены данные, которые свидетельствуют об этнических и культурных связях латышей и соседних народов и относятся к трем хронологически различным уровням.

Распространение животноводства в Прибалтике по времени совпадает с проникновением во II тысячел. до н.э. с юго-запада индоевропейских племен шнуровой керамики — прабалтов. На исходной территории этих племен в восточной части Средней Европы животноводство было известно уже в период мезолита. Поэтому предполагается, что распространение животноводства в Прибалтике было обусловлено миграцией прабалтов, а, возможно, и более ранним проникновением сюда из Средней Европы населения индоевропейского происхождения. Об этом свидетельствуют древние индоевропейские соответствия основной терминологии (напр., лат. govs "корова", др. инд. gāuh "крупный рогатый скот", арм. kov "корова", др. ирл. bo "корова", др. слав. говядо; лат., piens, лит. pienas "молоко", др. перс. pīna "кислое молоко", др. инд. paṇah "молоко" и др.). Притом в это же время в языки прибалтийских финнов проникает балтская животноводческая терминология вследствие заимствования у балтов навыков животноводства. Кроме того, древнейшие кости крупного рогатого скота из неолитической стоянки Латвии Двиете (II тысячел. до н.э.) по размерам очень близки костям скота из свайных поселений Средней Европы (III—II тысячел. до н.э.), что говорит об их генетической близости, и о распространении крупного рогатого скота в Прибалтику из Средней Европы.

По данным реалий, связанных с уходом за крупным рогатым скотом и с молочным хозяйством, в Латвии прослеживается широкий круг типологических параллелей с другими странами Северо-Восточной, а в некоторых случаях и Средней Европы. По-видимому, генетически данные объекты относятся к начальному периоду животноводства. Это подтверждается археологическими находками и соот-